

„Советское кино“ 23 августа 1969г.

АКТЕР. НА КОТОРОГО МОЖНО РАВНЯТЬСЯ

НЕ ЗНАЮ, многим ли повезло так, как мне. Впервые придя на съемочную площадку, чтобы сниматься в первом своем фильме «Ошибка резидента», я оказался партнером Олега Жакова, которым неизменно восхищался еще тогда, когда и помыслить не мог о совместной работе с ним.

Сразу бросилось в глаза и поразило меня поведение Жакова на площадке. Он волновался! Актёр, всю жизнь посвятивший кинематографу, волновался перед камерой, как новичок, боясь сыграть не так хорошо и не так правдиво, как ему хотелось. И это Жаков, которому, как мне казалось, ничего не надо делать для того, чтобы быть естественным и достоверным.

Позже меня удивило, что этого его волнения на экране не было видно, и я понял, что оно ушло вовнутрь. Благодаря внутреннему напряжению и многим другим неуловимым, почти неприметным вещам вместо стереотипного «отставного шпиона» на экране предстал конкретный человек со всей своей бессмысленной и жалкой судьбой.

После этого творческого контакта с Жаковым я поновому взглянул на сделанное им в искусстве.

Одна из самых его привлекательных особенностей — не только в стремлении к тому, чтобы наиболее полно выразить создаваемый образ, наполнить его существенными чертами, но — и это в первую очередь — умение вписаться в общий актерский фон, ансамбль, умение быть партнером, без грусти и сожалений уступить, если того требует драматургия, первенствующую, солирующую партию партнеру, помочь, подыграть ему.

Это — проявление профессиональной актерской нравственности, и обладают им самые счастливые среди актеров.

И, может быть, именно из-за того, что это рыцарство, эта способность не выпячивать себя в Жакове ощущается очень сильно, ему часто поручали роли второго плана, требующие, однако, ничуть не меньшего таланта и исполнительского мастерства, чем основные.

Такую именно роль играет Жаков в «Депутате Балтики». Постепенно, мягко, с завидным чувством меры открывает он в своем персонаже ограниченное, мелочное, но человека, напуганного мощным ходом истории, в который он не может включиться. Образ Воробьева — важная часть характеристики Полежаева, и от уровня исполнения Жакова зависела художественная сила и идейная острота всего фильма и игры Николая Черкасова. Таких примеров в творчестве Жакова множество.

Мы говорим «счастливая актерская судьба», имея в

виду, как правило, счастье, пришедшее извне — удачные, выигрышные роли, и забываем о том, что оно может зависеть и от профессионального отношения к своему искусству, беспредельной преданности ему.

С Олегом Жаковым это помнишь постоянно. Многие выпало на его актерскую долю за долгие годы служения кинематографу. Маленькие эпизоды, с которых он в конце 20-х годов начал свою карьеру у ФЭКСов (он не гнушается этими эпизодами и сейчас), большие главные роли и второстепенные, побочные персонажи. Они были разные — по художественной силе, уровню, человеческой значительности, но никогда это не были схемы, собрание каких-то произвольно извлеченных из жизни черт. Любой образ в передаче Жакова глубже и живее того, что предлагает ему сценарный материал, он привносит в него свое собственное знание жизни, мироощущение. Потому герои его всегда очень определенны, не прямолинейны, а именно определены — в доброте ли своей, благородстве или низости, ничтожестве.

Не замыкаясь в каком-то одном амплуа, очень по-разному каждый раз используя свои внешние данные, он все время играл диаметрально противоположные роли: предателей, подлецов, трусов — Воробьев в «Депутате Балтики», Боровский в «Великом гражданине». Людей редкостной чистоты и ясности душевной, отважных и смелых героев — Курт Шеффер в «Семеро смелых», Тойво Антикайнен в фильме «За Советскую Родину», капитан Костров в «Подводной лодке Т-9». ...Озлобленный, недоверчивый, страдающий от своего неверия в людей Федор Таланов в «Нашествии», который становится героем, — одна из лучших работ Жакова. Интересны и памяты: его американец Скотт в экранизации повести Джека Лондона «Белый клык», начальник строительства Дудырев в «Суде», нечаянно на охоте застреливший человека и переживающий муки совести...

Для Жакова, по-моему, «величина» роли не имеет значения. Серьезность, тщательность в выборе из тысячи лишь двух-трех деталей, наиболее характерных, говорящих, психологическая и социальная мотивированность каждого жеста, движения, взгляда производят

Об Олеге ЖАКОВЕ
рассказывает
Михаил НОЖКИН

впечатление осознанной эстетической программы.

При этом как-то не хочется по отношению к нему употреблять слово «профессионал», потому что оно чаще всего вызывает в представлении вещи, Жакову-актеру не соответствующие. За четыре десятилетия, за свои шестьдесят пять фильмов, снимаясь непрерывно, он не «наработал» штампов, которые, вероятно, облегчили бы ему труд, но в конце концов неизбежно стали бы помехой, затушевывали бы его естественность.

Но Жаков — профессионал в самом лучшем и высоком понимании. Его отношение к делу может многому научить. Он никогда не жалуется на неудобства, подчас возникающие в актерской работе, претензии у него только к самому себе.

Мне кажется, что он всегда незаметно, не нанося ущерба общему стилю фильма, в котором в данном случае играет, переделывает героя на себя, и в основном эта маленькая «подрывная работа» заключается в том, что он убирает все, что может выглядеть неправдой.

Но даже сейчас, после совместной работы на площадке, я не могу с определенностью сказать, как, какими путями Жаков добивается такой точности и многоплановой разработки характера, есть ли это перевоплощение или же способность подчинить свою естественность определенному заданию, мобилизовать свой эмоциональный аппарат для данной роли или то абсолютное чувство кинематографа, которое можно сравнить с абсолютным слухом.

Но зато я с определенностью могу сказать, что добивается он таких результатов и в тех случаях, когда сценарий предоставляет ему эту возможность, и в тех, когда все как будто против него.

Его неуловимую, почти неподвижную, статичную пластику отдельно не успеваешь отметить, выделить, настолько она слитна с образом и рассчитана на внимательность, наблюдательность кинообъектива. В самой внешности Жакова заложена возможность пластическо-

го перевоплощения, и так же, как в психологическом плане он отбирает какие-то точные проявления, так и внешне он присваивает своему очередному герою черты, наиболее полно тому или иному типу соответствующие. Оттого его игра никогда, даже в открывающих неудачных картинах, раздражения вызывать не может.

В том, что сейчас Жаков снимается в фильме С. Герасимова «У озера», есть определенная закономерность: возможно, здесь имели значение и воспоминания о совместной работе над «Семеро смелых», но прежде всего, наверное, дело в том, что Жаков совершенно соответствует принципам герасимовского актерского кинематографа. Ведь уже в «Семеро смелых», где он играл вовсе не главную роль и, как во многих других фильмах, оставался обычно на втором плане, Жаков молчаливо, спокойно, скупой сумел выразить основную идею картины.

Видимо, был расчет в том, чтобы для создания образа человека сурового, строгого, бескомпромиссного, каким является герой будущего фильма ученый Бармин, пригласить человека, напротив, удивительно скромного, мягкого, естественного, в актерской технике которого нет ни жесткого рисунка, ни точной рассчитанности. Актера, полностью полагающегося на свое чувство.

Не удивительно, что в немногочисленном списке актеров, чья манера оказала влияние на неореализм, рядом с именем Жана Габена итальянские критики ставят имя Олега Жакова.

И как бы в доказательство обоснованности этого заявления Олег Жаков был приглашен на роль отца героев Черви в итальянском фильме. И в доказательство обоснованности этого заявления Жаков блестяще эту роль сыграл.

У нас часто пишут о современности актерской игры. Чаще всего останавливаясь на сдержанности, собранности и скупой выразительности. Но ведь этого мало.

С первого своего фильма Жаков был современным актером — его игра всегда была созвучна тому времени, когда происходило действие фильма. Но он при этом был чуточку впереди и, оставаясь самим собой, умел использовать то, что только позднее становилось признанным законом в искусстве.

Записала Л. ДУЛАРИДЗЕ.